

Глава 1

Эти двадцать минут между доставкой больного в операционную и собственно началом операции были очень неприятным временем для молодого профессора Миллера. Вынужденное бездействие, пока больного вводят в наркоз, а сестра готовит инструменты, раздражало его. Дмитрий Дмитриевич начинал сомневаться, правильно ли он определил показания к операции и составил ее план. При осмотре больного он мыслил четко и ясно, выделяя главные симптомы, группируя их и выстраивая алгоритмы. Пустопорожним размышлениям не было места в его стройных и логичных умозаключениях. Как только он брал в руки скальпель, сомнения вновь испарялись без следа, но уж в течение этой неизбежной паузы он успевал понервничать на славу! Между принятием решения и началом его претворения в жизнь Миллер несколько раз обливался холодным потом, думая, что в этот раз он наверняка ошибся и ошибка будет стоить больному жизни. Раньше он мог по-

просить совета у старших товарищей и таким образом разделить с ними ответственность за судьбу пациента, но теперь тридцатипятилетний профессор нейрохирургии сам был в клинике истиной в последней инстанции.

Стараясь утаить от коллег неизменно охватывающую его панику, перед началом операции Миллер становился особенно невыносим. Иногда он скрывался в комнате дежурного врача и курил там, пока за ним не приходили, но чаще оставался в операционной и с каменным лицом наблюдал за приготовлениями.

Вот и сейчас, усевшись на высокий табурет в углу операционной, он демонстративно посмотрел на часы. Анестезиолог только проверял наркотный аппарат, а операционный стол еще даже не застелили стерильным бельем.

— А потом будут жаловаться, что мы долго оперируем! — веско произнес Миллер в пространство. — Хорошо еще, что нет кровотечения и ужасная организация работы оперблока не отразится на судьбе больного.

— Я пришел сразу, как только меня вызвали, — улыбнулся анестезиолог и дал больному маску с кислородом.

— Сестры, разумеется, должны допить свой чай. У них сначала дело, потом удовольствие, — язвительно продолжал профессор.

— Ладно вам... Дмитрий Дмитриевич, вы еще успеете покурить.

Это был не слишком тонкий намек. Но Миллер и сам понимал, что заставляет анестезиолога нервничать, поэтому нехотя слез с табурета и отправился на лестницу. В дверях он столкнулся с сестрой — маленькая, кругленькая, она неслась как на пожар.

— Ой, простите! Я сейчас все приготовлю.

Миллер отметил окающий волжский выговор и присмотрелся внимательнее — раньше он этой сестры не видел. Мужским взглядом он оценил точеные икры и щиколотки, маленькие ступни, обутые в босоножки на платформе. Этим, впрочем, внешние достоинства девушки исчерпывались. Одета в аккуратный халатик, очень маленького роста, с развитой грудью и практически без талии, сестра напоминала яйцо в рюмочке. Миллер знал, что время обходится с такими фигурами особенно недружелюбно, и пожалел девушку, получившую от родителей столь неудачную конституцию. Лицо сестры было прикрыто хирургической шапочкой и маской, но Дмитрий Дмитриевич предположил, что оно весьма зау-рядно.

«Это вообще нормально, что женщины меня так мало интересуют? — вздохнул он. — Ну с этим колобком все понятно, мне нравятся только красивые. Но ведь среди сотрудниц есть настоящие красавицы, почему же ни одна не заводит меня? Наверное, зона в коре головного мозга, отвечаю-

щая за любовные переживания, находится у меня в состоянии атрофии. Ну и слава богу!»

Миллер хмуро наблюдал, как сестра проворно раскладывает инструменты, и думал, что со стороны коллег это настоящее свинство — ставить новенькую в первый же день с таким требовательным и занудным хирургом, как он. Интересно, ей уже успели рассказать о его кошмарном нраве?

Дмитрий Дмитриевич прекрасно знал, что перед его операциями в сестринской разыгрываются настоящие баталии, кому идти с ним работать, поскольку каждая сестра стремилась избежать этой миссии.

— Нашли козу отпущения! — усмехнулся он и заметил, что праздные размышления отвлекли его от паники.

«Но какое все-таки безобразие! Пусть они не заботятся о новенькой, не собираются вводить ее в курс дела постепенно, но обо мне-то они должны думать! Предстоит сложная операция, и я не могу, просто не имею права отвлекаться на то, чтобы объяснять неопытной сестре ее обязанности. Если раньше она работала только в общей хирургии, то наверняка не знает названия специальных инструментов».

С этими названиями была такая морока! Почти все инструменты носили имена своих изобретателей, хирургов, но запомнить множество сложных, часто иностранных фамилий способны

были лишь некоторые врачи, не говоря уже о сестрах, поэтому в ходу были жаргонные наименования. Миллер же принадлежал к числу педантов: он просил ножницы Купера, а не «кривые ножницы», зажим Де-Бейки, а не «бульдожку», и никогда не позволял себе заменять культурное «подайте зажим для почечной ножки Федорова» на краткое и понятное «Федора давай». И уж конечно, он считал дурным тоном шутки коллег по поводу инструментов Кохера, гениального хирурга и лауреата Нобелевской премии, построенные на созвучности его фамилии с известным русским словом. В результате молодые сестры не всегда понимали, что нужно профессору.

Однако новенькая приятно удивила его. В руке неизменно оказывался именно тот зажим, который он просил. К тому же она подавала так, что Миллеру не приходилось тратить время на перехватывание инструмента, — каким-то непостижимым образом девчонка знала, как ему удобно.

Все хирургические инструменты служили уже давно, и Миллер привык, что иглы вращаются в иглодержателях, а кровоостанавливающие зажимы имеют неприятное обыкновение «выстреливать», то есть внезапно раскрываться и сваливаться с захваченного участка. Сегодня ничего такого не происходило. Иглы сидели как влитые, не проворачивались даже в самом неудобном положении, и зажимы держали вполне удовлетворительно.

А когда Миллер попросил сестру заменить неудобный диссектор, то не услышал обычного нытья, что ради дурацкой прихоти придется открывать целый набор инструментов. «Момент», — весело сказала девчонка.

— Вы очень компетентная сестра, — буркнул он, принимая диссектор. Почему-то среди всех она выбрала именно тот, что был ему нужен — небольшой, круто изогнутый и без кремальер.

— Вы, Дмитрий Дмитриевич, не заболели? — с притворным участием спросила анестезистка. — Наверное, у вас температура, раз вы решили человека похвалить.

— Я не похвалил, а констатировал факт. И прекратите посторонние разговоры во время операции!

Он как раз закончил рутинный этап трепанации черепа — физически сложное, но не таящее неприятных сюрпризов занятие, вскрыл твердую мозговую оболочку и аккуратно приступил к поиску опухоли. Теперь любое неосторожное движение могло привести к необратимым последствиям.

Дмитрия Дмитриевича всегда изумляло, что эта серая масса и есть вмещалище человеческой мысли и переживаний. Неужели всем нашим радостям и печалям, всей красоте, которую дарит нам мир, мы обязаны вот этой малопривлекательной субстанции? От подобных размышлений у него кружилась голова, поэтому он заставлял

себя думать, что имеет дело просто с объектом для лечения.

Вот и опухоль — плотный шарик, два сантиметра в диаметре. Ага, есть капсула, участок обызвествления — скорее всего опухоль доброкачественная, если это не эхинококк. Нужно работать очень аккуратно — и тогда после операции человек станет полностью здоровым.

Извлекая опухоль, Миллер продвигался медленно, по миллиметру. По его спине струился настоящий холодный пот — эта вегетативная реакция заменяла ему дрожь в коленках.

Наконец шарик оказался у него в руке.

— Препарат! — скомандовал он, и сестричка тут же протянула развернутую салфетку и новый скальпель.

«Вот молодец!» — подумал Миллер. Правила требовали, чтобы хирург, удалив опухоль, сразу же разрезал и визуально исследовал ее. Это полагось делать отдельным скальпелем, чтобы потом не перенести в рану злокачественные клетки или патогенные микроорганизмы опухоли. Но, как правило, сестрам жалко было подавать новый скальпель, и они начинали уговаривать хирурга воспользоваться тем же самым, обещая после этого тщательно его протереть. Миллеру приходилось или добиваться своего со скандалом, или, в особо тяжелых случаях, откладывая вскрытие опухоли на «после операции». А новенькая

сестра мало того, что знала правила, так еще и неукоснительно выполняла их.

Ответственный этап закончился, и Миллер с ассистентом приступили к механической работе — ушиванию раны. Обычно в эти пятнадцать минут нервное напряжение, испытанное всеми участниками операции, требует выхода. При удачном исходе доктора начинают похихикивать, перебрасываться глупыми шутками, и хирургическое вмешательство заканчивается под праздную болтовню.

...Непонятно, с чего все началось, но Миллер вдруг обнаружил себя втянутым в теософскую дискуссию. Почему его так задели слова анестезиолога, что бог поможет пациенту поправиться?

— При чем тут бог? Операцию сделал я, и судьба этого человека зависит от меня.

Услышав такую самодовольную реплику, новенькая вдруг засмеялась:

— Знаете, чем бог отличается от хирурга? Бог знает, что он — не хирург.

— Очень остроумно, — буркнул Миллер и собрался было отчитать девчонку за развязное поведение, но вдруг понял, что на самом деле ему весело, а не обидно. — Если я все выполнил как надо, то больной поправится и без участия высших сил. А если нет, то в неблагоприятном исходе тоже буду виноват я, а не бог!

— Ой, Дмитрий Дмитриевич, не скажите! — возразил анестезиолог. — Сколько раз бывало:

все сделано идеально, а человек берет и помирает. И вы, и я можем вспомнить такие случаи.

— Вспоминая такие случаи, все равно нужно искать в них не промысел божий, а врачебные ошибки. — Поверх маски Миллер бросил быстрый взгляд на анестезиолога. — Если бог и есть, то он насылает на человека не загадочную смерть, а плохого доктора, который в силу невежества, лени или халатности не может принять адекватные меры! А если мы не хотим брать ответственность на себя, то, по крайней мере, должны искать причины неблагоприятного исхода не в действии потусторонних сил, а в физиологических законах. Чаше они бывают нашими союзниками — всем известна истина, что природа исправит две ошибки хирурга и не простит только третью. Но иногда действительно бывает: тяжелое сопутствующее заболевание, стресс, кровопотеря, которые трудно диагностируются... Приведу пример из моей практики. — Миллер поймал себя на том, что говорит, словно читает лекцию, однако продолжил в том же духе: — Я только окончил институт, поступил в аспирантуру. На первом году мне уже доверяли самостоятельно оперировать, и однажды наш завкафедрой попросил меня удалить липому головы своему другу. Казалось бы, нет операции проще — иссек кожу с липомой, остановил кровотечение и зашил рану. Я прооперировал и отпустил человека домой, не допуская и мысли, что могут быть осложнения. Вдруг на

третий день он приходит с полным нагноением раны. Это после липомы! На голове, где практически никогда не бывает нагноений! Молодой здоровый мужик! Друг завкафедрой! Что было!.. — Миллер поежился, вспоминая. — Но мне помогала на операции опытнейшая сестра, она подтвердила заведующему, что я работал безупречно. Разумеется, все решили: это случилось из-за того, что пациент был другом заведующего, ведь какой врач не верит в примету «Бойся толстых, рыжих и блатных пациентов»? В общем, мистика и мистика. А через два месяца выяснилось, что у этого человека распространенный рак почки, и нагноение раны получило вполне разумное объяснение.

— С таким закоснелым атеистом неинтересно разговаривать, — пробормотал анестезиолог, проверяя показания монитора. — Наверное, если поднатужиться, всему на свете можно найти разумное объяснение, только станет ли от этого лучше жить? Я предпочитаю думать, что кто-то все-таки есть наверху...

— И считать себя игрушкой в руках судьбы? — неожиданно зло спросил Миллер. — Бог дает, бог не дает... Ах, я не могу выйти замуж из-за венца безбрачия, а вовсе не потому, что у меня невыносимый характер! Но разве мы не должны сами отвечать за свою жизнь? А если признать, что бог есть, то нужно признать и то, что он очень жестоко обходится с людьми, и просить у него милости

бесполезно. Нет, бога придумали сами люди, чтобы оправдывать свои слабости и темные стороны своей натуры. У меня есть знакомая, так вот ее мамаша, рассорив ее с очередным кавалером, неизменно говорила: «Это тебя бог отвел». То есть не она виновата в несложившейся судьбе дочери, а некие мистические силы!..

Миллер сам не понимал, с чего это он так завелся. Конечно, речь его была глупой и детской, к тому же на самом деле он верил в бога... И счеты у него были не к богу, а к людям.

— Хирургический пинцет на кожу, — сурово скомандовал он. — И вот еще что, — ему было никак не остановиться, — если бог есть, значит, согрешив, всегда можно покаяться, и он простит. Но я не могу поверить, что можно всю жизнь заниматься душегубством, а потом узреть истину, раскаяться и превратиться в праведника.

— Да что ж вы богу покоя-то не даете! — осмелев, воскликнула сестричка.

Буквы «о» были у нее большими-пребольшими, как колеса у телеги, и профессор вдруг ясно представил себе бога — уютного бородатого старичка, ворочающегося под лоскутным одеялом на печке. «Отстань, Димка, — бормотал старичок, натягивая на голову одеяло, — все тебе будет, дай поспать».

— Действительно, не стоит больше его тревожить, — Дмитрий Дмитриевич уже намазывал ушитую рану йодом, — а то разозлится еще и пришлет нам проверку из министерства.